

НАУЧПОП ДЛЯ ВСЕХ

ЛИБИДО

С

КУКУШКОЙ

ПСИХОАНАЛИЗ

ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

ВАСИЛИЙ
ЧИБИСОВ

ПРАКТИКУЮЩИЙ ПСИХОАНАЛИТИК
И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПАРАНОИК

Научпоп для всех

Василий Чибисов

**Либи́до с кукушкой.
Психоанализ для избранных**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 616.89:93/99

ББК 56.14

Чибисов В. В.

Либи́до с кукушкой. Психоанализ для избранных /
В. В. Чибисов — «Издательство АСТ», 2018 — (Научпоп для
всех)

ISBN 978-5-17-108345-8

Можно ли подчинить себе время? Как с помощью обычного метронома избавиться от привычки опаздывать и от социофобии? Что общего между творчеством и психозом? Почему мы любим водить хороводы на граблях? Откуда приходят повторяющиеся сны и мысли о бессмертии? Правда ли, что рукописи не горят? Автор психоаналитического бестселлера «Вся фигня от мозга» отправляется на поиски ответов. Его путь лежит сквозь мрачные владения Хроноса. Титана, пожирающего собственных детей. Для полного погружения в безумие автор использует небольшие хорроры, превращая обычный психоаналитический труд в произведение искусства.

УДК 616.89:93/99

ББК 56.14

ISBN 978-5-17-108345-8

© Чибисов В. В., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
1.1. Нарратив с бородой	7
1.2. Икар против Хроноса	12
1.3. Теряем метроном	17
Антракт	21
Глава 2	23
2.1. Ганьба противоположностей	24
2.2. W значит Вундт	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Василий Чибисов

Либи́до с кукушкой

Психоанализ для избранных

Серия «Научпоп для всех»

© Чибисов В., текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Посвящение

Ховринской Заброшенной Больнице, которую в очередной раз планируют снести. Ничего у них не получится. Ховринская твердыня будет стоять вечно.

Михаилу Щербакову и Дмитрию Быкову за их смелые нарративные эксперименты.

Евгению Вольнову за душевные пранки, насыщенные стримы и неповторимую атмосферу конфача.

У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее – и то не день – а мгновение.

Тургенев. Ася

Глава 1

Протезы для Икара

*Чтобы время не мчалось вперед,
Чтобы день не гонялся за днем,
Он часы ненавистные жжёт огнем.*
Пикник. Азбука Морзе

1.1. Нарратив с бородой

Психоанализ пишется клиентами. Поэтому обречены на застой специалисты, которые с умным видом постоянно что-то записывают в блокнотик. Вы все равно не сможете извлечь информацию из потока свободной речи клиента. Свободная речь несет информацию только для самого говорящего. Слушатель получает не информацию, а аффект.

Далеко не все аналитики могут спокойно выносить аффекты, которыми одаривает их клиент. Поэтому они изобретают защитные средства вроде конспектирования, переспрашивания, обильных интерпретаций. Беседа с подобными специалистами может быть содержательна и интересна клиенту, но бессознательное в этом разговоре почти не участвует.

Отбросив методологический пафос, скажем проще: нам лень делать записи во время сеанса. Протоколы сессий и их перечитывание, диктофонные записи и их переслушивание – это попытка обнаружить в переваренном тортике следы сливочных розочек. Жак Рансьер¹ использовал меткое выражение «немая речь». Звуковые файлы, исписанные тетрадные листы, клинические отчеты, доклады на конференциях – все это немая речь. И ведь есть клиенты, которые посещают конференции, где «блистают» их аналитики. И ведь есть аналитики, которые этим положением дел гордятся. Но это немой диалог. Там нет свободной речи, а значит нет преодоления сопротивления, нет прогресса.

На это модно отвечать, что сопротивление вовсе не обязательно преодолевать, что клиенту должно быть комфортно. Отдельные личности всерьез говорят о каком-то экзистенциальном поиске смысла², об обретении счастья в кабинете, о втором рождении личности. Фрейд доказал³, что если счастье в условиях нашей культуры вообще существует, то достигнуть этого счастья субъект должен сам. Вне кабинета. На этом вопрос о счастье считаем закрытым. Мы не в утешителей играем, мы решаем конкретные проблемы.

Человек – это бог на протезах⁴. Психоанализ эти протезы чинит. Иногда учит ими правильно пользоваться. Вот что происходит в кабинете.

Но иногда психоаналитику удастся чуть больше: придумать новую модель протезов и запустить ее в серийное производство, заменить деревяшку на бионическую ногу, инвалидную коляску – на искусственный позвоночник, крылья Икара – на реактивный ранец. Однако для этого в кабинет должен прийти сам Икар и громко заявить, что перья и воск ему надоели.

Клиент, о котором сейчас пойдет речь, гениально сыграл роль Икара, перевернув греческую трагедию с глиняных ног на голову. Его случай позволил психоанализу отрастить дополнительную пару крыльев и значительно ускорить решение целого ряда типичных проблем. Случай Икара⁵ – так и условимся называть эту отправную точку. Тем более, что наш Икар дал согласие на публичный пересказ только аналитической сути его истории. От любых намеков на возраст, происхождение, место проживания, профессию и семейное положение он просил воздержаться. Тем лучше, потому что эти сведения нам не понадобятся (когда они вообще были полезны для разбора случаев из практики?).

¹ Рансьер Жак (1940), французский философ. Обогастил политическую психолингвистику концепцией *несогласия*, проявляющегося в различных речевых ситуациях. Занимался апологией психоанализа с эстетических и культурологических позиций.

² Франкл В. Человек в поисках смысла.

³ Фрейд З. Неудобство в культуре // Собрание сочинений в 10 томах, т. 9, М.: СТД, 2008, с. 191–271. Часто название неточно переводят как «неудовлетворенность культурой» или «болезнь культуры».

⁴ «Der Mensch ist sozusagen eine Art Prothesengott geworden, recht großartig, wenn er alle seine Hilfsorgane anlegt, aber sie sind nicht mit ihm verwachsen und machen ihm gelegentlich noch viel zu schaffen». Freud S. Das Unbehagen in der Kultur.

⁵ Икар – персонаж древнегреческого мифа. Смертный, которому отец-изобретатель подарил искусственные крылья из перьев и воска. Увлечшись полетом, Икар поднялся слишком высоко, солнце растопило воск, крылья рассыпались, и Икар разбился.

Клиент обратился по поводу панических атак. Это комплекс психосоматических реакций, который принято связывать с так называемой социофобией. В местах большого скопления людей у клиента учащался пульс, происходило интенсивное потоотделение, сбивалось дыхание. Прямой зрительный контакт со случайным прохожим или обслуживающим персоналом запросто мог вогнать мужчину в состояние ступора. Разговоры по телефону или скайпу никаких проблем (предсказуемо) не вызывали.

Клиент сам выбрал кушетку (в кабинете всегда есть альтернатива в виде кресла) и стандартное расписание – четыре сеанса в неделю по 50 минут. Прямой зрительный контакт отсутствовал (аналитик находился за изголовьем кушетки). На второй сеанс клиент принес большую подушку для более комфортного сидения. Да, на кушетке именно сидят, а не лежат – в немецком языке это отражено буквально. Но клиент, удобно устроившись с подушкой на психической дыбе, меньше всего беспокоился о лингвистических нюансах. И если вы думаете, что мы сейчас кинемся анализировать роль подушки в бессознательных процессах, то ошибаетесь. Неумение различить главное и второстепенное – один из критериев шизофрении или принадлежности к современным школам «психоанализа».

Что главное на сеансе? Свободное ассоциирование. Но не только. Давайте сразу сделаем обобщение. Главное – это феномен свободной речи, то есть способность субъекта произнести истину о самом себе. Формула, известная еще с античных времен, актуальна в наши дни. На свободную речь способны далеко не все. Субъект испытывает внутреннее сопротивление, колеблется, стыдится. Именно сопротивление подвергается психоанализу в первую очередь. Если клиент не сопротивляется, то вы вяло работаете.

Задача аналитика – вернуть клиенту свободу речи. Дальше психика сделает все сама. Логичный вопрос: как именно освободить речь? Зависит от архитектуры внутренней тюрьмы. Планы побега из лагеря классического невроза (навязчивость, истерия, фобия) давно нарисованы и изучены. Психотические лабиринты тоже усыпаны цветными нитками Ариадны и ее многочисленных потомков. В этой книге мы разберем новый тип психической неволи, когда субъект находится в плену у собственного времени. И подготовим типовой план побега.

Насколько свободной была речь Икара на первых сеансах? В плане содержания – вполне. Но в анализе стоит обращать внимание на структуру. Говорить можно что угодно, но не как угодно. Рассказы Икара больше напоминали ролики популярных видеоблогеров или посты в соцсетях. Обилие междометий, сокращений, неоконченных предложений. Изложение обладало ярко выраженной *дискретностью*, то есть хорошо разделялось на смысловые блоки. Внутри каждого блока не было никаких проблем с логикой, целостностью – завершенная мысль, твит.

Явилось ли это следствием долгого сидения в интернете? Мы не склонны к линейным и топорным выводам. Пусть о вреде интернета кричат на каждом углу печально известные дамы из политической периферии. Вреден не интернет как таковой. Это инструмент хранения, обмена, создания, массового распространения и обсуждения информации. Этот инструмент используется, среди прочего, для самообразования, развлечения и общения. Или имитации такового. Так получилось, что этим инструментом стало активно пользоваться большинство.

Опасен и уродлив не интернет, а часть общества, наполняющая его информационным шумом.

Не хочешь, чтобы психическая проказа поразила тебя через открытый информационный канал, – соблюдай правила информационной гигиены. Соблюдал ли эти правила наш клиент? Судя по его привычкам, уровню интеллекта и содержанию рассказов – определенно. Почему же мы так прицепились к структуре, к форме?

Потому что психоаналитический субъект не просто рассказывает. Его речь, во-первых, обращена к кому-то, кто в кабинете не присутствует. Во-вторых, она зависла где-то между обычным рассказом и бессвязным потоком речи. Достигается этот эффект просто. Речь кли-

ента можно разбить на смысловые блоки. Каждый блок обладает внутренней логикой, завершенностью, содержанием, основной мыслью. Содержание каждого блока можно кратко пересказать своими словами. **Однако взаимное расположение блоков таково, что пересказ всего потока речи невозможен в принципе.**

Это свободная речь? Нет. Пока еще нет. Это один из методов ее достижения. Так называемая **нарративная практика**. Или просто нарратив. Свободная речь является тем пределом, до которого нарратив достигает своего расцвета и за которым он исчезает. *Отбрось лестницу, по которой только что забрался*⁶. Нарратив – это лестница к речевой свободе. Когда вершина достигнута, психоанализ переходит в новое качество. Он как бы уже не нужен, но некоторые клиенты продолжают посещения, потому что в присутствии аналитика им привычнее и легче переходить в режим свободной речи. Рассуждать вслух можно и без аналитика, и вообще без третьих лиц. Поэтому величайшая загадка: что тянет в кабинет клиентов, успешно решивших свои проблемы? Возможно, привычка. Или бессознательная эстетика. Или регрессия, то есть возвращение к более древним механизмам мышления и речи. В частности, к нарративу.

Нарратив позволяет клиенту не цепляться за глобальную логику рассказа. Не нравится тема – переходи к другой. Всплыла из бессознательного болота ассоциация – перепрыгивай на новую психическую кочку. Только перед прыжком все-таки заверши мысль, которую в данный момент говоришь. Это очень важный момент: гармония свободы и самодисциплины, локальной логики и глобального произвола. Управляемый хаос.

В жизни мы не любим договаривать ровно потому, что из-за одной фразы нас заставят говорить еще пару сотен. Оправдываться, доказывать, спорить... В психоанализе этого нет. Высказал мысль – молодец, дальше выбирай любую другую и работай с ней. И так далее. Об этом многие аналитики забывают, поощряя клиента к словесному бардаку. Но субъект мыслит с помощью речи. Дезорганизация речи быстро расшатывает вашу нейронную сеть. Мозг привыкнет к тотальной незавершенке, распаду, фрагментарности. По-гречески – к схизису, или же шизису. Подобный подход характерен для последователей Мелани Кляйн, которые не имеют никакого отношения к психоанализу. Кляйнианцы создают устойчивое впечатление травмированных недалеких людей. Они не могут устоять перед соблазном и превращают клиента в подобное себе параноидно-шизоидное существо⁷.

Короче говоря, нарратив – это группа завершенных рассказов, объединив которые мы не получим один большой рассказ. Максимум: сильно бессвязную повесть с множеством сюжетных линий. В интернете нарратив выглядит, как группа завершенных постов, видеороликов или твитов, объединенных в уютный блог ни о чем. Эта книга является продуктом авторских экспериментов с нарративными техниками⁸.

У нарратива должен быть хотя бы один читатель или слушатель. В кабинете психоаналитика этот слушатель один-единственный – сам психоаналитик. Запись речи клиента в тетрадку или на диктофон разрушает эту единственность, происходит *онемение нарратива*. Почему? Разве что-то оказалось утеряно? Наоборот – появилось лишнее свойство. Немую речь можно формализовать и пересказать всю целиком. Эта глобальная целостность противоречит логике нарратива.

⁶ В «Логико-философском трактате» философ Людвиг Витгенштейн проводит аналогию между познанием и лестницей. Старое мышление пользуется некоторым приемом, чтобы достичь нового уровня. После достижения нового уровня старый прием («лестница») уже не годится и должен быть «отброшен».

⁷ Автору довелось услышать, как кляйнианский «специалист» рассказывает об искусственной психотизации пограничного клиента. Тот факт, что впадшему в психоз клиенту понадобилась госпитализация, кляйнианца не смущал. Он рассматривал это как победу и «возможность построить психический мир клиента с нуля». Читатель с легкостью может получить десятки подобных примеров, просто пообщавшись с кляйнианцами. Последние не скрывают своих взглядов на мир и на психотерапию.

⁸ *Быков Д. Л.* Новые нарративные техники на материале современного американского романа // <https://www.youtube.com/watch?v=vKvvLRXD8XQ>

Клиенты приходят на прием, спасаясь именно от целостности, от монолитности, от необходимости глобально разворачивать, мусолить одну и ту же мысль. Они устали от монотонных споров и толстых книг, содержание которых можно пересказать одной фразой. Спрашивается – зачем время тратили, если хватит нескольких слов или маленького штампа о разводе? Пары распадаются, когда партнеры начинают требовать друг от друга слишком много объяснений, когда перестают прощать резкую смену темы.

Эта фаза агонии имеет обыкновение затягиваться, и именно в этой фазе один из партнеров находит «психолога», который только усугубляет положение, советуя как можно чаще говорить по душам. Говорить не о чем, обсуждать нечего – все уже сказано. Вы либо находите новые совместные интересы (σ -9)⁹ и обновляете взаимное влечение, либо не надо тратить нервы. И время. Ну вот, вернулись к корневой теме этой книги: время и причины его бездарной траты. А вы сидели и думали: «К черту эту лирику, что там с клиентом?». Возвращаемся к клиенту и особенностям его нарратива.

В стандартных рассказах повествование идет из прошлого в будущее. В произведениях посложнее допустимы флешбэки, перемещения во времени, параллельные сюжетные линии. Стоит ли говорить, что блоки нарратива хронологически перемешаны. Классический анализ подобен раскопкам, движению от настоящего в прошлое. Субъект мог скакать с одной сюжетной линии на другую, бегать по кругу, ползти по спирали, метаться из угла в угол, лететь по параболе Лобачевского¹⁰. Но даже за самым нелинейным изложением предполагался какой-то вектор, направленный в сторону прошлого. Все воспоминания, влечения, сновидения, мысли существовали в большом общем психическом пространстве. И, что более важно, у них было *общее время*. Все объекты психики носили с собой абстрактные часики, синхронизированные между собой¹¹.

В этой книге мы подвергаем сомнению *темпоральную однородность*. Пора признать: нет никаких предпосылок считать, что психика воспринимает физическое время как целостный феномен. Совсем наоборот! Психоаналитическая практика (не говоря уже о теории) заставляет нас полагать, что появление единого психического времени, является совершенно особым событием. И достижение это весьма зыбкое – целостность времени утрачивается при первой возможности.

Если вдуматься, идея не такая уж и новая. Фрейд не раз указывал на то, что целостность Я – это заблуждение. Я изначально не имеет никакой монолитной структуры. Это совокупность изолированных друг от друга «островков», потерявшихся в бескрайнем океане Оно.

Лакан¹² лишь повторил вслед за Фрейдом, что «субъект психоанализа расщеплен», немного огламури́в этот тезис и лишив содержательности. Что обеспечило ему мировую известность. Еще две идеи, с которыми Лакан ассоциируется у массового сознания, тоже принадлежат не ему. Понятийную пару «означающее – означаемое» придумал Фердинанд де Соссюр¹³. Категорию «Другого» впервые ввел, сам того не заметив, Фрейд¹⁴. Вместо строгих

⁹ Ссылка на книгу Василия Чибисова «Вся фигня от мозга. Простая психосоматика для сложных граждан», АСТ, 2017. Все ссылки на этот труд имеют вид (σ -n), где n – номер главы. Сигма – первая буква слова «соматика».

¹⁰ Отсылка к «Песенке о молодости» *Михаила Щербакова*.

¹¹ В классической (нерелятивистской) механике можно синхронизировать все часы вселенной между собой, потому что не существует ограничения на скорость распространения информации и взаимодействия. Поэтому во всех системах отсчета время течет одинаково, а пространство не искривляется. «Вся вселенная заполнена базами из абсолютно жестких бесконечных стержней, на которые нанесены идеально идентичные шкалы. И в каждой точке абсолютно синхронно тикают часы». *Девятериков И. П.* Вводная лекция по теоретической механике.

¹² *Лакан Жак Мари Эмиль* (1901–1981), французский философ-структуралист, психиатр по образованию. В рамках европейского постмодернизма считается психоаналитиком. Это мнение разделяется многими современными «психоаналитиками».

¹³ *Соссюр де Фердинанд* (1857–1913), швейцарский лингвист, создатель семиотики, predetermined облик современной лингвистики. Его идеи послужили источником вдохновения для философско-структуралистов.

формулировок модный французский философ очень любил красивые фразы и длинные пространственные трактаты. Его больше увлекал процесс изобретения словесных франкенштейнов. Примерно тем же сейчас занимаются феминистки, приклеивая политкорректные суффиксы ко всем словам и штампуя квазюридические категории на все случаи жизни.

Но оставим несчастного Лакана в покое. Нас ждет субъект, возможно и не «расщепленный», но явно испытывающий трудности в общении со стихией времени.

¹⁴ В первом абзаце «Психологии масс» читаем: «Im Seelenleben des Einzelnen kommt ganz regelmäßig der andere als Vorbild, als Objekt, als Helfer und als Gegner in Betracht, und die Individualpsychologie ist daher von Anfang an auch gleichzeitig Sozialpsychologie in diesem erweiterten, aber durchaus berechtigten Sinne». Слово другой (der andere) играет грамматическую роль подлежащего и употребляется с артиклем, но пишется со строчной буквы (в немецком существительные всегда пишутся с заглавной). По сути, в этом контексте «другой» означает не какого-то реального человека, отличного от субъекта, и даже не «любого другого человека», а психическую структуру, отражающую представление субъекта о его социальном окружении.

1.2. Икар против Хроноса

После первых сессий сложилось впечатление, что предстоит длительный анализ с сомнительными перспективами. Большой удачей казалось простое нахождение компенсаторного ресурса без перехода в гиперкомпенсацию (компенсация, которая сама нуждается в компенсации).

Откуда такой пессимизм? При социофобии вытеснение не играет главной роли в динамике анализа. Просто Я испытывает перегрузку либидо, поэтому стандартная процедура изучения незнакомой реальности (обстановка, люди, коммуникативные задачи) обретает яркую эмоциональную окраску (σ -8).

Если что-то и вытеснено, то это сам опыт панических атак и сопряженное с ним чувство стыда. Как известно, серая масса реагирует на панику социофобов агрессивно: будь то прямая агрессия или агрессия в форме заботы. Что лишний раз подтверждает адаптивные истоки социофобии. Но и это вытеснение слабое и снимается в преддверии сна. Мозг начинает активно вспоминать, как хозяйка постеснялась заказать кофе. Или как у хозяина заплетались ноги, потому что позади шли две хихикающие девушки.

Ну а как вы хотели? Либидо возвращается от нагруженных посторонних объектов, потому что те потеряли актуальность. Зачем было нагружать все подряд объекты, если их мимолетность была очевидна? Затем, что избыток либидо легче раздать всем желающим и не желающим, чем пытаться усмирить. Усмирение, конечно, рано или поздно предстоит – для этого и существуют разные практики *заботы о себе*¹⁵. Необязательно психоанализ. Можно и вязанием заняться. Но у автора нет опыта вязания – только психоаналитическая практика (не считая хорроров, политических авантур и управления хаосом).

К чему мы так подробно и нудно рассказываем о социофобии? К тому, что ничего из перечисленного в анализе Икара не наблюдалось. Избыток свободного либидо в Я и слабое вытеснение, вопреки обыкновению, не подталкивали клиента к ассоциированию или эмоциональному отыгрыванию.

Для обозначения эмоций клиент использовал не более трех разных категорий: стыд, обида, скука. Однако рассказы о самих панических атаках явно заставляли клиента переживать (голос дрожал, появлялись неконтролируемые модуляции). На прямые вопросы о своих ощущениях и тем более о своих мыслях (ассоциациях) на эту тему Икар отмалчивался.

Казалось, клиент сочетает две противоположности: социофобию и алекситимию (трудность в словесном выражении эмоций). В (σ -11) мы немного рассказали о противоборстве этих двух психических свойств, но тогда более подробные объяснения были неуместны. Сейчас нам понятно, что и алекситимия, и социофобия суть нити одного клубка, единого комплекса, намотанного на веретено психического времени. Это значит, что глупо метаться между двумя диагнозами, поднимая панику из-за перетекания одного в другой.

Но в тот момент мы не имели ни малейшего представления о комплексе Хроноса и о математической модели психопатий. Перед нами (вернее, за нами) был клиент, который исправно, но отрешенно перечислял различные эпизоды из детства. Не потому, что ему хотелось о них рассказывать, а потому что он «прочитал о важности детских травм».

Вы прекрасно знаете о стандартных психических защитах и сопротивлении. Психика субъекта мешает психоанализу, чтобы неприятное содержание оставалось под замком в бессознательном. Самое мощное сопротивление, вопреки расхожему мнению, проявляется не в

¹⁵ Забота о себе – одна из центральных тем европейской философии, развитие которой крайне трудно проследить. Философ Мишель Фуко проделал титаническую работу по построению ретроспективы концепции заботы о себе. Фуко показал, насколько глубокий след эта тема оставила в облике современного общества.

молчании. Молчание лечит и помогает субъекту собрать волю в кулак для одного мощного удара по плотине психической цензуры. Хуже, когда клиент «из уважения к аналитику» что-то рассказывает, иногда изображая свободные ассоциации. Но ни одна нить его нарратива не тянется к клубку проблемного комплекса.

Говорить такой клиент мог долго и безрезультатно (как автор сейчас). Поэтому всегда стоит обращать внимание не на содержание нарратива, а на его структуру и лингвистические особенности.

Обнаружилось, что клиенту трудно определить, какие эпизоды из его рассказов случились раньше (или позже) других и сколько времени прошло между ними. **Вытеснению подвергались не события, а их хронология.**

Например, клиент мог сказать: «Когда я учился в третьем классе, произошло событие А» и далее «Когда я закончил седьмой класс, произошло событие Б». Казалось бы – события А и Б упорядочены, потому что связаны с номерами классов. Однако спросим клиента «Какое из событий: А или Б – произошло раньше?». Он ответит упорным молчанием.

«Раньше» – это сравнение двух событий, сравнение их положений в потоке времени. Если вернуться к абсолютному времени, то клиент с легкостью воспроизводит прежнюю привязку событий: «Событие А произошло, когда я учился в третьем классе, событие Б – после седьмого». Здесь события – это просто неподвижные верстовые столбы вдоль неподвижной дороги. Потока нет. Если не напоминать рассказчику, что условная дорога символизирует время, то все в порядке.

То есть психика по какой-то причине испытывает неудовольствие от осознания времени. Но полностью вытеснить хронологию означает потерять себя и свое прошлое. Приходится идти на компромисс, **воспринимая темпоральные отношения как отношения иного рода.** Например, пространственные или причинно-следственные. Или, как у Икара, привязывать их к карьере или учебе, то есть к неподвижным ступеням неподвижной иерархии.

Эффект сохранялся, когда клиент говорил и о ближайшем прошлом. Пример.

Кл. (Клиент): Утром я твердо решил, что пора менять обстановку. Позвонил знакомому архитектору. Двухэтажную пристройку снесут в мое отсутствие.

А. (Аналитик): Вы позвонили архитектору до сеанса или после?

Кл.: Утром.

Нет, аналитик не издевается, ему просто нужно оценить масштаб распада хронологии. Хотя после таких вопросов клиент имел полное право сам заподозрить аналитика в неумении слушать и логически мыслить. Зачем отвечать такому «специалисту» на элементарные вопросы? Однако проблемы с хронологией успели распространиться на умение выстраивать причинно-следственные связи.

Кл.: Сестра точно на меня обиделась.

А.: Откуда такая уверенность?

Кл.: Позавчера она проигнорировала мое сообщение в ватсапе. Прочитала, но не ответила. Она редко так делает.

А.: На что она могла обидеться?

Кл.: Я резко с ней разговаривал. На повышенных тонах.

А.: О чем?

Кл.: О ее отношении ко мне, к семейному делу. Что нельзя меня так игнорировать. Я же не просто так совета спрашиваю, а для дела.

А.: Как именно она вас игнорирует?

Кл.: Я же сказал, не отвечает на сообщения. Конечно, это происходит редко, но нельзя же...

А.: Стоп. Сколько раз она игнорировала ваши сообщения за последние три дня?

Кл.: Один раз.

А.: И сколько раз вы с ней об этом говорили?

Кл.: Один раз.

А.: Разговор шел на повышенных тонах?

Кл.: Да. Поэтому она и обиделась.

А.: И проигнорировала то самое сообщение?

Кл.: Да.

А.: И из-за этого вы ей позвонили, поговорили на повышенных тонах, она обиделась?

Кл.: Да.

А.: Так что произошло раньше?

Кл.: (молчит)

А.: Когда она проигнорировала сообщение?

Кл.: Позавчера.

А.: Когда вы с ней говорили на повышенных тонах?

Кл.: Вчера вечером. Я ехал от вас домой, позвонил ей и накричал.

*А.: На вчерашнем сеансе вы не упомянули об этом разговоре. (То есть о разговоре, который произошел уже **после** сеанса).*

Кл.: Не знаю. Наверное, не успел.

Последнюю фразу клиента можно уже толковать двояко. Не успел, потому что разговор де-факто еще не состоялся. Не успел, потому что были другие темы для обсуждения. Но уже понятно, что отношение к событиям носит странный оттенок темпоральной неразличимости. Клиент помнит, когда какое событие произошло. Но не может перейти от этого знания к пониманию очередности.

В отличие от большинства «коллег», мы категорически против психоанализа субъектов с психиатрическими диагнозами. *Каждый должен мотыжить свой участок.* Если есть подозрения на органические расстройства и прочие радости, требующие врачебного вмешательства, то именно врач и должен вмешиваться. Логично, не правда ли? Хотя находятся разные самонадеянные индивиды, всерьез верящие во всемогущество психоанализа. Мы, в силу своей грандиозной скромности, решили не рисковать и посоветоваться со знакомым психиатром.

Знакомый, возможно, не был светилом с мировым именем. Но, что гораздо важнее, на фоне своих коллег он в наименьшей степени подвергся профессиональной трансформации. Случай Икара его заинтересовал. Специалист отталкивался от того, что особые отношения со временем не мешают жизни клиента. Социализация, карьера, семья, творчество – в общем, полная адаптация и сохранность. Панические атаки? По меркам психиатрии это пустяк. Из-за ссадин на коленках не госпитализируют в травматологию, а учат увереннее стоять на роликах.

В конце концов, было предположено, что неприятие потока времени – это побочный продукт психоанализа. То есть это мы сами виноваты, а вне кабинета психика клиента в целом ориентируется во времени. Но что значит «в целом»? Значит, что «почти ориентируется». Но именно почти. Какая-то ее малая область все-таки бунтует против Хроноса. И именно к этому мятежному гарнизону клиент сам нашел тайную тропу, открыв новую главу развития психоанализа.

Было решено продолжить сеансы и просто наблюдать. Знакомый психиатр оказался прав. Никакой клиники – только сопротивление, только артефакты психоанализа.

На очередном сеансе у клиента закончились истории. Вытесненное, подойдя достаточно близко к поверхности сознания, дало о себе знать. Сопротивление Икара было и без того достаточно сильным, чтобы пресекать любые разговоры о времени. Теперь оно усилилось настолько,

что погрузило клиента в молчание. Однако не бывает «сопротивления вообще», если только клиент не настроен против психоанализа как такового. Но и в этом случае сопротивляется что-то глубоко вытесненное, вроде бы неназываемое, но совершенно конкретное. Чему же сопротивлялся клиент? Вы уже знаете ответ: времени. Но почему?

Тогда мы не были готовы к подобной догадке. Это было слишком смело, необычно и странно. Всегда существует риск не обнаружить настоящую причину, а навязать клиенту нашу собственную интерпретацию проблемы. Внушаемый субъект может искренне согласиться с выдуманным решением, его симптом исчезнет, но наше понимание человеческой психики от этого не обогатится. Поэтому мы и не торопились с рабочей гипотезой: **осознание хода времени доставляет клиенту неудовольствие**. Вытесняются не конкретные мысли, а время как таковое. С другой стороны, почему бы и нет? Раздражают же бывших прокуроров фильмы про балерин!

Четверть сеанса прошло в молчании. Наконец, клиенту был задан вопрос о самых ранних воспоминаниях. Стандартный и, как правило, эффективный ход в подобных ситуациях. Клиент охотно рассказал о занятиях в музыкальной школе. Его отправляли туда только потому, что школа находилась через дорогу от дома. Клиент и раньше вспоминал о занятиях музыкой, которые не вызывали у него ни протеста, ни интереса.

Заметим, что в рассказах клиента фигурировали воспоминания и более раннего периода (примерно четырехлетний возраст). Но, во-первых, объективно «более раннее» не обязано совпадать с субъективным переживанием хронологии. Во-вторых, подобный отклик характерен для многих людей, в том числе вне кабинета. Мы используем чужой вопрос как повод, чтобы сказать о чем-то актуальном и важном для нас. Вместо «самого раннего» или «самого свежего» воспоминания мы делимся самым волнующим, актуальным и важным для нашего бессознательного.

Когда вам задают вопрос «с чего началось ваше программирование на C++», вы вряд ли вспомните Hello world или сортировку массива, хотя это был ваш первый код. Вместо этого на ум придет простенькая игра-стрелялка, написанная за пару месяцев мучений.

Любимый прием тех, кто проигрывает в дискуссии и пытается доказать несостоятельность собеседника: «Ты какую последнюю книгу прочитал?». Скорее всего в ответ прозвучит название не последней прочитанной, а посвященной тематике спора (и не факт, что прочитанной). Про то, что нельзя спрашивать о любимых фильмах, мы уже говорили (σ-4).

В общем, **существует целый ряд вопросов, которые мозг воспринимает как предлог для ответа на свои собственные мысли**. И это прекрасно.

Бессознательное клиента было обращено к походам в музыкальную школу, но не к самим занятиям. Просьба вспомнить как можно больше деталей вызвала у клиента некоторое оживление. Его речь ускорилась, отдельные события не были уже столь хаотически разбросаны во времени. Под конец сеанса клиент привел подробное описание внешности нескольких ребят, певших вместе с ним в хоре.

Две следующие сессии клиент озвучивал исключительно воспоминания о походах в музыкальную школу. Судя по голосу, структуре нарратива и общему состоянию, эти рассказы доставляли клиенту явное удовольствие. Сохранялся повышенный темп речи. Один раз клиент даже использовал слово «затем», однако этого было недостаточно для каких-либо выводов (это мог быть не темпоральный союз, а вводное слово).

Наконец, сопротивление еще больше усилилось – мы были на верном пути!

Кл.: Можно я сменю тему? Мне вспомнился один случай из студенческой жизни. Про музыкалку скучно все время рассказывать.

А.: Можно. Только один вопрос – что вы чувствовали, когда про музыкалку рассказывали?

Кл.: Радостно было.

Ан.: Почему? Скучно же рассказывать.

Кл.: Рассказывать скучно. А ходить туда было радостно.

Ан.: Вы вроде говорили, что занятия...

Кл.: (перебивает) Да, однообразные, но и ненапряжные. На (занятиях по) фортепиано мы за один урок успевали разобрать несколько простых этюдов. По клавишам попадать я научился быстро, но были проблемы с ритмом. Тогда И.Л. (имя преподавателя) разрешила пользоваться метрономом и самому выбирать темп.

После этого клиент, как и собирался, рассказал об эпизоде из студенческой жизни. Речь вскоре вернулась к обычному темпу, нарратив потерял целостность. Последние пятнадцать минут сеанса клиент преимущественно молчал, изредка вспоминая фамилии вузовских профессоров, когда и что они преподавали, какими качествами обладали. Под конец в этом перечислении стали мелькать имена педагогов из музыкальной школы. Бессознательное Икара показывало свое намерение говорить именно об этом периоде жизни. И теперь нам было примерно известно, как выглядел заветный ларец из прошлого. Более того, ларец можно было легко достать.

1.3. Теребим метроном

На следующем сеансе клиента ждал сюрприз – метроном на столике около кушетки. Не прошло и пяти минут, как аналитик услышал за спиной характерные щелчки. Клиент стал пересказывать события прошедших выходных. Вскоре его речь замедлилась, он стал делать небольшие паузы. Обычно в подобных случаях он перескакивал на пересказ другого эпизода. Однако вместо этого Икар поменял темп метронома и... продолжил рассказ, как ни в чем ни бывало! Так повторялось до конца сессии: клиент сохранил удивительную стройность и целостность нарратива. И для этого ему нужно было всего лишь периодически (примерно раз в пять минут) менять темп метронома.

Чисто фрейдистская интерпретация очевидна. Подвигать ползунок по стержню – чем не замещение навязчивой мастурбационной активности? В пользу легкой навязчивости говорит и выполнение одного из критериев Ясперса¹⁶: **попытка отказаться от выполнения навязчивого действия ведет к нарастанию тревоги**. Повышенная тревожность заставляла клиента перескакивать с темы на темы (в кабинете) и заземлять аффект через панические атаки (вне кабинета). С другой стороны, сам факт нарративных «перескоков» говорит против навязчивости. Субъект, склонный к навязчивостям, повторял бы один-два сюжетных блока по несколько раз.

Как вы прекрасно знаете, *навязчивый ритуал* является замещением мастурбационной активности¹⁷. Если это не вскрывается в анализе, то субъект рано или поздно разоблачает сам себя. Он будет бороться с навязчивыми действиями с помощью других навязчивых действий, постепенно изобретая все новые ритуалы. Каждое следующее звено этой ритуальной цепочки будет все больше походить на классическую мастурбацию – психика банально устанет вытеснять «запретный» процесс. Но клиент не пытался как-то противостоять своей склонности «теребить метроном». Напротив, он прямо поблагодарил аналитика за щелкающий агрегат.

Почему мы заострили внимание на этом нюансе? Потому что слишком часто слова «мастурбация» и «навязчивость» ставятся рядом. Это не по-фрейдистски, так как у мастурбационной активности (и ее заместителей) есть важная психосексуальная функция. Факт, что **мастурбация полезна для снятия стресса** уже не вызывает удивления или отторжения (мракобесов и мнение большинства не учитываем, мы же центристы). Но это лишь следствие более фундаментального процесса – **регрессии**.

Зрелая сексуальная конфигурация, равно как и высокий социальный статус – штуки крайне энергетически затратные, они требуют от нас самоконтроля и умения отказывать себе в **преждевременной** или неэффективной разрядке. Будь то перевозбуждение на этапе предварительных ласк (в сексуальной сфере) или желание закатать в асфальт недобросовестного подрядчика (в социальной сфере). Или возвращение к отождествлению сексуальности и агрессии. Что для того же подрядчика было бы чревато анальной карой.

Проблема слишком быстрой или слишком долгой разрядки давно стала одной из самых обсуждаемых проблем. Эта тема превратилась в культурный феномен – вокруг преждевременного (реже – заторможенного) семяизвержения строятся шутки, конфликты, характеры персонажей.

¹⁶ Ясперс Карл Теодор (1883–1969) – немецкий психиатр и философ-экзистенциалист. Сформулировал удобные в использовании критерии для ряда патопсихологических феноменов.

¹⁷ «Die Zwangshandlungen nähern sich nämlich immer mehr, und je länger das Leiden andauert, um so deutlicher, den infantilen Sexualhandlungen nach Art der Onanie. So ist es bei dieser Form der Neurose doch zu Liebesakten gekommen, aber nur mit Zuhilfenahme einer neuen Regression, nicht mehr zu Akten, die einer Person gelten, dem Objekte von Liebe und Haß, sondern zu autoerotischen Handlungen wie in der Kindheit». Freud S. Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose (Rattenmann) // Zur Theorie // C. Das Triebleben und die Ableitung von Zwang und Zweifel.

Контроль над ситуацией, над собой, над своими влечениями, необходимость ждать и, особенно, оттягивать разрядку ради другого человека – все это требует психического напряжения. Поэтому мастурбация была и будет одним из спутников самых счастливых супружеских пар (особенно взаимная или совместная). Так партнеры лучше узнают друг друга и **синхронизируются**. В общем, если вы находитесь в состоянии стресса, сходите сбросьте напряжение и возвращайтесь к чтению...

Сходили? Молодцы.

Также благодаря регрессии субъект может побыть настоящим эгоистом, расслабиться, оптимизировать нейронные связи, подрыгать руками и ногами, исполнить все свои желания с помощью мысли... Вы правильно вспомнили про сновидения – они тоже проявление регрессии.

Предельным случаем регрессии является нарциссизм (правильнее – нарцизм) – чувство тотального всемогущества, когда человек творит реальность с помощью мысли. Когда нет задержки между желанием и его исполнением. Если же удовлетворение потребностей происходит мгновенно, то психика просто не узнает о существовании времени! Иными словами, регрессия и психическое время исключают друг друга. А вы думали, мы просто так вас теорией грузим (и мастурбировать заставляем)?

Теперь для вас совершенно очевидна психоаналитическая близость упомянутых явлений: регрессии, мастурбации, нарциссизма, отсутствия времени. Клиенту не хватало всего вышеперечисленного. Он **погряз в самоконтроле**. Притом это был не контроль Сверх-Я, которое требует невозможного и идеального. Это был обычный «тактический» контроль над реальностью и самостью, за который отвечает Я. Клиентское Я слишком усилилось, там образовался избыток свободного либи́до, поэтому возникла социофобия.

Забавно, что Фрейд видел главной целью психоанализа именно усиление Я клиента¹⁸. Он был прав – в ту эпоху человеку с детства стимулировали рост Сверх-Я. В наше время воспитание делает упор на Я. Получается, цель психоанализа можно обобщить: **развитие личного психического иммунитета к избыточному влиянию общества**.

Почему же мы не сообщили клиенту об этой великой цели и о наших мелких соображениях касательно регрессии и всего остального? Потому что **не надо лезть к людям со своими интерпретациями**. Прямая интерпретация – это провокация, агрессия, усмирение пограничных личностей, встряска, перезагрузка всего аналитического процесса.

Если все идет по плану, то вы можете просто обнулить успех своей погоней за триумфом или за ролью главного разоблачителя. Зачем? Сидите, молчите. Желательно в тряпочку. Не получается – попробуйте молчать в тряпочку, пропитанную хлороформом.

Клиент все про себя знает, просто ему нужно **время**, чтобы все это осознать и высказать. Мы лишь можем предложить источник времени: например, метроном. Если он не может это высказать в вашем присутствии – тем хуже для вас как для специалиста.

Метроном позволил Икару частично регрессировать, поэтому его нарратив обрел беглость и свободу. Теперь нужно было соблюдать молчание и осторожность. Вытесненное обрушилось лавиной, камни аффектов и ассоциаций набирали скорость. Клиенту было не до аналитика – он выговаривался, открывая давно забытые стороны своей личности. Спустя десяток сеансов самоанализа (аналитик присутствовал в качестве декорации), клиент вернулся к теме панических атак. Выяснилось, что они уже две недели его совершенно не беспокоят.

Клиентам, которые не прерывают анализ сразу же после решения основных проблем, надо ставить памятники! Одно дело, когда человек докапывается до патогенного вытесненного, симптом исчезает (вместе с клиентом). Это всего лишь монетка в копилку практических результатов. А уж мы потом сидим и теории выдумываем. Другое дело, когда сам клиент, уже

¹⁸ Фрейд З. Анализ, конечный и бесконечный // Сочинения по технике лечения, М.: СТД, 2008, с. 350–393.

распутав патогенный клубок, бережно прослеживает траекторию каждой ниточки и делится результатами с аналитиком. Это как сравнивать переживших клиническую смерть с профессиональными танатонавтами¹⁹.

*Кл.: Я понял, почему мне не нравятся люди. Когда людей много, они превращаются в поток. Поток течет ... У потока есть напор, скорость, разные числа в общем. Мне не нравится, что у потока людей свои внутренние законы, которых я не понимаю. Я вынужден подчиняться законам, которых не знаю! Идти с чужой скоростью, смотреть в одну сторону, уворачиваться. Я не хочу плыть по течению, по **их** течению, потому что оно слишком монотонно.*

А.: Время течет монотонно.

Кл.: Это меня и пугает.

А.: Монотонность? Не пугайтесь, в масштабах вселенной время течет с ускорением.

Кл.: Все равно неприятно.

А.: Значит, пугает не монотонность?

Кл.: Значит... Меня вымораживает то, что время течет, никого не спрашивая.

Сильное признание. Многим оно покажется очевидным, если бы не терапевтический эффект. Мысль о времени была не просто неприятной, она была *травмирующей*! Настолько, что психика ее активно вытесняла в бессознательное, расплачиваясь паническими атаками, искаженным восприятием и парой мелких неврозов. Когда же сознание захотело вместить течение времени, сошла на нет и симптоматика. Вот это действительно важно.

Получается, отношение со стихией времени – самостоятельный и полноценный источник психических конфликтов. Раньше считалось, что конфликтовать можно только с ценными объектами (родителями, наставниками, возлюбленными). Фрейд назвал Эдиповым комплексом **все амбивалентные (противоречивые) влечения к родительским фигурам**. По Фрейду, Эдип является **ядром всех неврозов**²⁰. Хотя «всех» – это громко сказано, на тот момент в психоанализе выделяли невроз навязчивости, фобию и истерию. Все. Психастению, хоть и относили к неврозам, анализировать не хотели. Теперь оказывается, что конфликтовать можно не с объектами, а с самим временем. Не с реальностью, а с темпоральностью.

Так что же? Не нарисовался ли на горизонте контур нового комплекса, который объединяет все наши конфликты не с объектами, а со временем как таковым? Нарисовался. Правда, пока неясно, какие конкретно проблемы вырастают на почве этого комплекса. И вообще подобные открытия нуждаются в долгом и нудном обосновании... Но мы же договорились – времени мало! И это не научный труд, а чтиво для пляжа или поезда (ну хорошо, и для сортира тоже, но геморрой будет на вашей совести).

Поэтому не мучаем читателя и даем новому комплексу кличку – **комплекс Хроноса**. И если Эдип был ядром всех неврозов, то **Хронос будет ядром всех психозов**. Возможно. У нас еще девять глав впереди, чтобы доказать или опровергнуть эту гипотезу. А пока что посмотрим, как Икар научился управлять временем, подчинив своего Хроноса.

Итак, клиента пугает течение времени. Точнее – устойчивое течение. Что требуется? Возможность нарушать устойчивость, изменять скорость течения по своему усмотрению. Сначала в кабинете, с помощью метронома. Потом в любой ситуации без настоящего метронома,

¹⁹ Вербер Б. Танатонавты.

²⁰ «Wir meinen ja, der Ödipuskomplex sei der eigentliche Kern der Neurose, die infantile Sexualität, die in ihm gipfelt, die wirkliche Bedingung der Neurose, und was von ihm im Unbewußten erübrigt, stelle die Disposition zur späteren neurotischen Erkrankung des Erwachsenen dar». Freud S. Ein Kind wird geschlagen.

используя воображение. Клиент научился детально визуализировать (*представлять*) метроном. Настолько точно и ясно, что мог *как бы* слышать щелчки. Так человек *как бы* слышит звук мобильного, когда ждет звонка; или мелодию шлягера после многократного прослушивания. Когда начиналась паническая атака, мужчина просто передвигал воображаемый грузик, изменяя темп щелчков. Этот нехитрый прием он распространил на все сложные коммуникативные ситуации: деловые переговоры, семейные разборки, взаимодействие с чиновниками.

В своих рассказах клиент сместился от прошлого к актуальным отношениям и проблемам в семье. Речь постепенно обогатилась свободными ассоциациями. Практически к каждому рассказу присоединялась конструкция вида «это напоминает мне события столько-то-летней давности». То есть в структуре нарратива появились темпоральные параллели, в которых клиент все увереннее ориентировался.

В конце концов клиент объявил, что достигнутые результаты его полностью устраивают и дальше он намерен работать над собой самостоятельно. Эта решимость резко контрастировала с его первоначальной уверенностью в собственной «тотальной беспомощности». Повторимся, что первые серьезные результаты были достигнуты гораздо раньше окончания анализа. Возможно, клиенту нужно было привыкнуть к новому осознанному материалу, используя кабинет аналитика как своеобразную барокамеру.

Можно было детально расспросить клиента об ощущениях, которые вызывали щелчки метронома. Но, во-первых, мы уже получили ответ: важны не щелчки, не какой-то один ритм, а возможность смены ритма. Во-вторых, высока была вероятность, что эффективность метронома обусловлена личной историей клиента. Отчасти, это было так. Скорее всего, мы так бы и оставили этот случай без теоретической обработки, если бы все зависело только от нас и от нашей глобальной лени. Но, к счастью, психоанализ пишем не мы, а клиенты. И второй изобретатель божественных протезов не замедлил появиться...

Антракт

Карьерная короста

Ипполит Матвеевич не любил своей тещи. Клавдия Ивановна была глупа, и ее преклонный возраст не позволял надеяться на то, что она когда-нибудь поумнеет.

Ильф и Петров. Двенадцать стульев

Олег Иваныч не любил свою квартиру. Там постоянно происходила какая-то муть. Особенно он не любил там спать. Ночью мог запросто закипеть электрический чайник. Эта новомодная скотина свистела громче своих советских предков, хотя никакого свистка у нахала не было. Чем бы ему свистеть? Но он кипел, свистел и надрывался.

Олег Иваныч не любил свой чайник. А кому понравится вставать посреди ночи и выключать свистуна из розетки? Никому, если учесть, что чайник часто находился не на кухне, а в коридоре, в туалете, в глубинах старого шкафа. И свистел там, демонстрируя полную независимость от электричества. Розетки? Какая формальность! Их придумали бюрократы, чтобы экономить электричество.

Олег Иваныч не любил бюрократов, хотя сам был тем еще бюрократом. И соседи его все поголовно были теми еще бюрократами. А без соседей ему пришлось бы совсем туго! Особенно когда среди ночи, разбуженный свистом чайника, Олег Иваныч осознавал, что никакого чайника у него нет. И приходилось будить соседей, занимать у них чайник, включать в розетку, ждать закипания и только потом отключать. Тогда был шанс дожить до утра без приключений.

Олег Иваныч не любил приключения. Но приключения, как назло, подстерегали старого бюрократа на каждом шагу. Каждый шаг отдавался эхом в пустом подъезде, смешивая цвета почтовых ящиков и меняя местами квартиры. Каждый шаг в пустом дворе заставлял соседей следить за прогулкой Олега Иваныча и светить ему в спину лазерной указкой. Каждый шаг за угол дома привлекал внимание странных людей в машинах, чьи номера обязательно складывались в дату смерти какого-нибудь дальнего родственника. Каждый шаг в сторону районной аптеки – и Олег Иваныч забывал свой адрес.

Олег Иваныч не любил районную аптеку. Местный фармацевт постоянно подшучивал над простоватыми покупателями. Например, мог запросто не принять у покупателя рецепт. И заявить, что никакой это не рецепт, а туз пик! И всю очередь подговорить, чтобы они тоже заявили, будто у покупателя не рецепт, а туз пик. Но Олег Иваныч не велся на эту шутку. Он твердо помнил, что не садился играть в карты уже два года. С тех пор, как проиграл своему чайнику последние ключи от чулана.

Олег Иваныч не любил свой чулан. Нет, сам чулан не виноват. Вполне приличная, тихая, темная каморка. Была. Пока два года там не завелся какой-то крикливый доктор. Вернее, самозванец. С чего бы уважаемому доктору занимать чужой чулан? Он громко ругался, обзывал Олега Иваныча психом, грозился вызвать бригаду. Потом стал выдумывать всякие хитрости, чтобы выбраться наружу. Олег Иваныч и рад был бы выпустить этого громкого гостя. И не просто выпустить, а выгнать из квартиры! И с лестницы спустить, если понадобится (хотя Олег Иваныч был очень тихим и интеллигентным бюрократом!). Но открыть чулан не представлялось возможным. Ключ был у чайника (на правах законного выигрыша в карты), и агрегат ни в какую не хотел расставаться с трофеем. Впрочем, и это не понадобилось. Гость со временем освоил правила приличия – хозяин квартиры подавал хороший пример! – и затих.

Олег Иваныч не любил гостей. Их манеры, их привычка приносиваться и чихать, их странные вопросы, их косые взгляды, их шепот за спиной, их планы убить хозяина квартиры – все лишний раз напоминало Олегу Иванычу о том, что мир окончательно сошел с ума. К этому

выводу неминуемо приходит каждый уважающий себя старый бюрократ. Поначалу-то кажется, что все наоборот. Что это ты слегка помешался, а мир нормален. По молодости все неопытные бумагомаратели так думают, но потом они остепеняются, покрываются благородной смесью пыли, чернил и песка. И все становится на свои места. Единственное, что мешает скромному счастью мудреца, так это квартира, чайник, другие бюрократы, приключения, аптека, чулан и гости.

Олег Иваныч решительно не любил все, что мешало его скромному счастью!

Единственное, что Олег Иваныч любил, так это свою работу. Когда он в очередной раз забывал адрес своей квартиры, ноги сами несли его в скромную контору на пересечении двух скучных улиц. Там в календарике у Олега Иваныча был записан и адрес, и расписание аптеки, и имена соседей, и номера особенно подозрительных машин. И нарисован маршрут вечерних прогулок нового участкового врача. На всякий случай.

Олег Иваныч любил ночевать в своем кабинете и работать с документами. Коллеги, не понимая ранимой натуры старого бюрократа, брезгливо называли его кабинет сторожкой, а Главный Документ – журналом посещений. Но это все слова. На деле все коллеги платили Олегу Иванычу дань уважения, записывая в Главный Документ свои фамилии и даты посещения. Какой же Главный Документ без фамилий и дат? И нужно ли что-то Главному Документу для счастья, кроме дат и фамилий?

Олег Иваныч любил даты. Одну дату он запомнил на всю жизнь. В ту ночь он остепенился, превратился из безымянного молодого бумагомарателя в маститого старого бюрократа. Тогда он вышел прогуляться по пустому зданию, для солидности подсвечивая себе дорогу фонариком.

Зайдя за поворот на втором этаже, Олег Иваныч увидел, как две шестирукие старухи, кряхтя и охая, вытаскивают из директорского кабинета несгораемый шкаф, компьютер, офисный стол и самого директора. Олег Иваныч, будучи тактичным и интеллигентным мужчиной, тут же удалился в свой кабинет и подпер дверь тяжелым столом.

Всю ночь к нему кто-то ломился, чтобы поздравить с профессиональным становлением. А как тут не поздравить? Наконец-то Олег Иваныч перестал сомневаться в том, кто именно сошел с ума. Конечно, это мир. Весь мир сошел с ума. И директор, не вышедший на работу в ответственный день. И коллеги, половина из которых уволилась, а половина пропала без вести в течение последних двух лет. И полицейские, в то утро измучившие всех своими вопросами. И соседи, и фармацевт, и главврач, и гость в чулане, и чайник, и квартира. Особенно квартира.

Конечно, мир сошел с ума. А кто же еще? Олег Иваныч, что ли?!

Глава 2

Беспричинно-следственные связи

Два и два равно четырем.

Два π и два π равно полному π .

Никита Джигурда

2.1. Ганьба противоположностей

Следующий случай из практики – противоположность предыдущего. Противоположность не полная, не формальная и не смысловая, а совершенно иного рода. Диалектическая. Как известно, в диалектической логике²¹ противоположности – это не просто статичные полюса и не результат формального отрицания. Нет. Парные противоположности тесно переплетаются, взаимно превращаются, пребывают в единстве и борьбе, движутся навстречу друг другу. Если вовремя не вооружиться диалектической логикой, можно здорово вляпаться и пропустить целый ряд новых закономерностей.

Для устоявшихся научных парадигм достаточно формальной логики. Диалектику не загнишь в рамки математических теорем или алгоритмов обработки данных, хотя такие попытки уже активно предпринимаются²². Кот Шредингера уже сто лет как ни жив, ни мертв. Поэтому современным проблемам мироздания в формальных рамках тесно. Что уж говорить о психоанализе! Психоанализ – это *субъективная наука о субъективном*, то есть не наука совсем, а интеллектуальное развлечение, игра в бисер с неотрицательной суммой²³.

Поэтому мы снимаем с себя ограничения формальной логики и пользуемся логикой диалектической. В чем нас ограничивали? Во-первых, закон исключенного третьего: *либо А, либо не А, третьего не дано*. Во-вторых, закон двух отрицаний: *не не А равно А*.

Итак, благодаря диалектике **мы не обязаны рассматривать противоположные тезисы как взаимоисключающие**. Пример? Предыдущая глава. Клиент демонстрировал одновременно и панические атаки, и повышенный самоконтроль. Противоположные друг другу черты. Однако в психике противоположности спокойно сосуществуют, проникают друг в друга (прилюдно). В бессознательном закон «либо А, либо не А» меняется на закон «и А, и не А».

Само отрицание («не») меняется на процедуру диалектического снятия. Снятие содержит в себе не только отрицание, но и противоположность отрицания – удержание. Как же без единства противоположностей в диалектике? Никак. Поэтому так и говорят: **снятие – это отрицание с удержанием**. Поясним на простом примере²⁴.

Вы когда новую рукопись пишете, вы же старую не рвете? Нет. Рукопись уже издана в форме книги. Вы эту книгу читаете и за голову хватаетесь: какой же автор (то есть вы) был дурак! Формальное отрицание – это отозвать книгу из продажи, сжечь весь тираж, всех читателей, всего автора. Диалектическое снятие – это написать новую книгу, более умную, хорошую, правильную. В ней можно сослаться на старую рукопись, в том числе опровергая. Фрейд так делал, за что его незаслуженно критикуют те господа, которые сами патологически не умеют признавать ошибок.

²¹ Гегель Г.Ф.В. Наука логики // пер. Столпнер Б. Г., Институт философии АН СССР, 1937.

²² Например, бурно развивается т. н. нечеткая логика. В классической теории множеств элемент либо принадлежит множеству, либо нет. В нечеткой логике элемент принадлежит множеству с некоторой вероятностью или же в некоторой степени. Чтобы описать, насколько элемент «вписывается» в правила множества, используют функцию принадлежности, которая может принимать любое значение на отрезке от нуля до единицы. Например, психические элементы *предсознательного* можно рассматривать, как элементы, принадлежащие частично сознанию, частично бессознательному. Подробнее читайте: Новак В., Перфильева И., Мочкорж И. Математические принципы нечеткой логики // М.: Физматлит, 2006, 352 с. А впрочем, не забивайте голову.

²³ Отсылка одновременно к философскому роману Германа Гессе «Игра в бисер» и к математической теории игр. В игре с нулевой суммой игрок проигрывает ровно столько, сколько выигрывает его оппонент. В игре с отрицательной суммой капитал всех игроков постепенно уменьшается, поэтому требуется не просто выигрывать, а выигрывать с большим перевесом. Пример игры с отрицательной суммой – биржа, где за каждую сделку взимается комиссия. Применительно к игре в бисер отрицательная сумма означает, что чем дольше герои романа играют в свои абстракции, тем иллюзорнее их выигрыш.

²⁴ Пример из лекции профессора *Попова М. В.* по диалектике.

Новая книга в чем-то обязательно будет отрицанием старой. Хотя бы в плане текста. Иначе это просто две одинаковые книги. Но даже второе издание с качественной обложкой будет отрицанием первого самиздата. Удерживается, как минимум, личность автора, его стиль мышления, генеральная сюжетная линия, теоретический фундамент...

Чувствуете, как сразу процесс *вытеснения* заиграл новыми красками? Психическая цензура *отрицает* существование запретных влечений, но *удерживает* их в инкубаторе бессознательного, открывая им доступ к материалу для образования комплексов.

Теперь окончательно стираем границу между А и не А! В диалектике любое *качество*, достигая некоторого (*количественного*) предела обращается в свою противоположность. Очень быстро крутящийся диск кажется нам неподвижным. Замерзающий человек субъективно ощущает тепло. После оглушительного взрыва контуженный слышит звенящую тишину. Слишком слащавые комплименты звучат как издевки и оскорбления.

Заезженный мем о переходе количества в качество (точнее: *количественных изменений в изменения качества*) даже упоминать не нужно. Тем более, он вполне себе укладывается в привычную математику. Элементарный пример: при *бифуркации* малое количественное изменение *управляющего параметра* качественно меняет структуру положений равновесия управляемой *системы* (рис. 2.1). Ну хорошо, хорошо, это мы выпендриваемся.

Конечно, куда элементарней кипение воды в чайнике. Там все просто. Никаких бифуркаций. К воде подводят тепло, кинетическая энергия молекул увеличивается. Динамическое равновесие двух процессов: испарения и конденсации – смещается в сторону первого. Так как вода не дистиллированная, в ее толще плавают всякие микроскопические примеси. На них начинается зарождение пузырьков водяного пара, которые правда еще слабые, схлопываются, не достигая поверхности. Так бы и остыла вода, не закипев, даже если ее довели до температуры кипения. Но мы не останавливаемся, подводим энергию дальше. Температура остается постоянной, так как энергия идет на дальнейший разгон молекул и преодоление сил молекулярного притяжения. В результате все больше молекул имеют энергию, сильно превышающую ее среднее значение. Пузырьки водяного пара живут дольше, имеют больше шансов встретиться и слиться в один пузырь побольше. А чем больше пузырь, тем меньше потенциальная энергия сил натяжения, поэтому большой пузырь с большей вероятностью достигнет поверхности, не схлопнувшись...

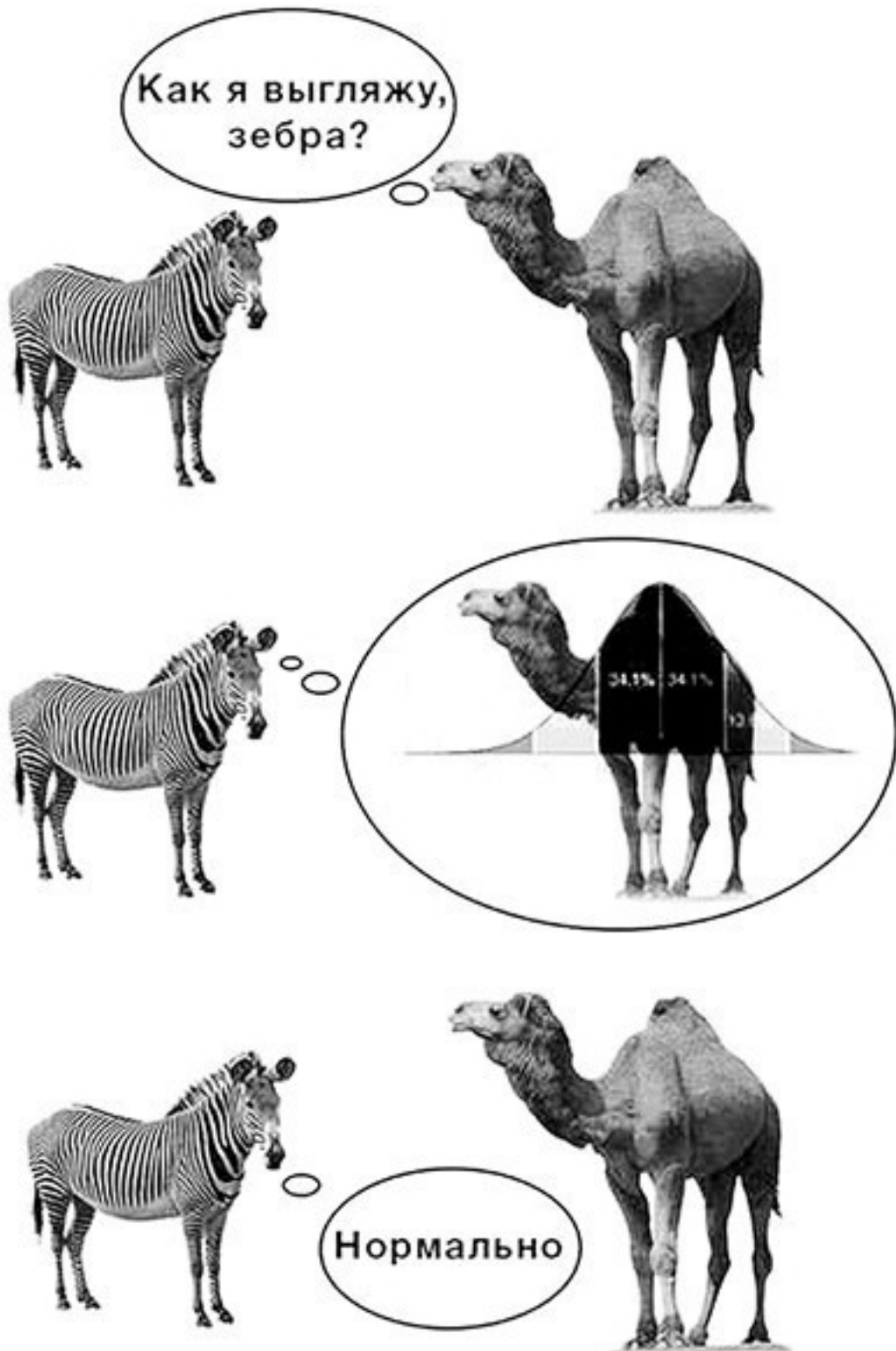

Рис. 2.1. Наиболее наглядная иллюстрация нормального распределения.

Н-да. Очень простой пример. Отвлеченные аналогии, хоть и помогают нащупать нужное направление исследований, все же могут увести далеко в дебри. Поэтому в психоанализе мы крайне неохотно лезем в область нейропсихологии и биохимии. Да, хороший нейрофизио-

лог может в двух словах объяснить химическую суть депрессии или смоделировать патогенез шизофрении. У такого подхода есть свои плюсы и минусы.

Часто мы готовы безропотно уступить поляну настоящим ученым и врачам (σ -1, σ -2). Но не в этот раз. К тому же, чтобы передать в *public domain* что-нибудь ненужное, нужно сначала изобрести что-нибудь ненужное²⁵. Не похоже, что такая тонкая материя, как время, интересует нейропсихологов. Случается, что временем занимаются физики-теоретики. Но понять во вменяемом состоянии их формулы...

Психическая темпоральность – это во многом неизведанная территория для психоаналитиков, туда тянутся следы проблем, которые волнуют преимущественно (или исключительно) нас. Поэтому приходится разгадывать тайну времени в терминах психоанализа, жонглируя либидо под куполом бессознательного.

Сейчас мы рассмотрим любопытный случай из практики, а вы подумайте – что полезного из него могли бы извлечь нейропсихологи, физики и другие уважаемые люди. Если их вообще заинтересует то шаманство, которое до сих пор происходит в психоаналитических кабинетах, невзирая на двадцать первый век. Хотя какой, zum Teufel, двадцать первый? Если только не считать начало нового тысячелетия ретроспективной эклектикой тысячелетия предыдущего.

Кто сказал «мракобесие»? Нет, мы не об оскорбленных верующих! Как можно?! Мы о том, что какой-то психоаналитик до сих пор разделяет, развивает, пропагандирует, применяет идеи Фрейда и диалектику Гегеля.

²⁵ Общественное достояние или Public domain – добровольное отчуждение интеллектуальной собственности, при котором автор размещает продукт своего интеллектуального труда в публичное информационное пространство (чаще – интернет) и разрешает любым лицам использовать этот продукт любыми способами. Наиболее известным русскоязычным продуктом, официально размещенным в public domain, является сериал «Масяня» израильского аниматора Олега Куваева.

2.2. W значит Вундт

Предыдущий клиент испытывал неудовольствие от неконтролируемого хода времени. Косвенно это порождало социофобию. Возможность управлять темпом метронома стала ресурсом для адаптации, переходным объектом²⁶. Сейчас вы увидите зеркальную стратегию бессознательного взаимодействия с ходом времени.

Клиента обозначим первой буквой его имени W (нет, не Воланд). История повторяется. Когда-то другой W, Вильгельм Вундт (Wundt), основатель экспериментальной психологии, использовал метроном для обкатки нового метода – *интроспекции*²⁷. Испытуемые должны были слушать щелчки метронома (одиночные или сгруппированные) и подробно сообщать о своих ощущениях. Таким простейшим манером Вундт постепенно выстроил удивительно точную модель сознательной части психического аппарата.

Наш W был далек от психологии. Средних лет, женат, двое детей, кандидат технических наук, работает не по специальности (поэтому обеспечен). После защиты кандидатской степени поступил в военное училище, по семейным обстоятельствам не смог продолжить обучение и отказался от карьеры военного.

В девяностых организовал бизнес в своем городе. Обустроил, отстоял в стычках с «братвой», раскрутил и внезапно продал. Стало скучно. То же повторилось еще несколько раз. Никаких объективных причин начинать с нуля не было – порывы носили иррациональный характер, сверхприбылей не приносили и удивляли самого бизнесмена.

Это вскрылось потом. Первичным же запросом была частая беспричинная смена настроений. Вспышки гнева, которые трудно контролировать. Избирательная непереносимость чужой речи. Последнее обстоятельство сильно мешало клиенту слушать доклады некоторых подрядчиков и вести деловые переговоры. У многих есть такие знакомые, чьи монологи невозможно долго выносить. Но когда круг раздражающих вас ораторов быстро расширяется, то это уже повод насторожиться.

Сеансы длились по 50 минут. Клиент выбрал кресло, а не кушетку, но смотрел преимущественно куда-то в сторону. Сессии нерегулярные, от раза в две недели до трех раз в неделю, в зависимости от деловой активности клиента.

В отличие от Икара, W активно пользовался сравнительными темпоральными категориями («раньше, позже...»). Привязка событий прошлого к годам жизни тоже не вызывала у W проблем. Правда, клиент рассказывал в основном о ближайших событиях и своем текущем состоянии.

Речь мужчины отличалась строгой структурой, логической связностью и целостностью изложения. Хорошо? Отнюдь. Нарратив страдает от излишнего порядка. Нетрудно было заметить, что W наводит порядок внутри нарратива именно тогда, когда рассказ касается особо деликатных вопросов или острых конфликтных ситуаций. Эта форма психической защиты – интеллектуализация – хорошо известна в современном психоанализе.

У W интеллектуализация выражалась в повышенной тяге к хронологическому стилю. Он даже причинно-следственные конструкции заменял на темпоральные. Например, вместо

²⁶ Вид психической защиты, применяется в основном, чтобы адаптироваться к потере ценного объекта. Типичный пример: долгое время не выбрасывать личные вещи покойного. Также к созданию переходных объектов склонны дети, остро переживающие кратковременную разлуку с родителями или друзьями. Тогда переходным объектом может выступать игрушка, которую ребенок долгое время неразлучно носит с собой. Не стоит болезненно реагировать на подобное поведение ребенка – как только его психика адаптируется, он сразу избавится от переходного объекта.

²⁷ *Вундт Вильгельм* (1832–1920), врач-физиолог, психолог, основатель экспериментальной психологии, первым применил и описал метод интроспекции. В наши дни метод не вписывается в общую концепцию потенциального недоверия к субъекту психологических исследований.

фразы «жена обиделась на меня, *потому что* я забыл о нашей годовщине», клиент говорил «жена обиделась на меня *после того, как* я забыл о нашей годовщине». Или вместо «я разозлился, *потому что* N не мог три раза назвать точную цифру» – «я разозлился, *после* N трижды не смог назвать точную цифру». Здесь нет опечатки, это такая специфическая конструкция, маленькая оговорка по Фройдю. Разберем ее чуть подробнее.

Предлог *после* здесь используется в роли подчинительного союза, со всеми вытекающими грамматическими нестыковками. Клиент часто прибегал к этому способу соединять причину и следствие. Вы можете справедливо заметить, что это просто способ сэкономить время: вместо «после того, как» говорить просто – «после». Но ведь мы именно о времени говорим! И если желание его сэкономить столь сильно, что психика перекраивает лингвистическую ткань, то мы просто обязаны докопаться до бессознательных причин (или просто докопаться).

Как избыточная хронологичность влияет на целостность нарратива? С одной стороны, это большой вклад в иерархичность и связность. Все события упорядочены, маркированы определенным периодом в жизни; временные интервалы выверены и доступны сознанию. С другой стороны, степень речевой свободы снижается.

Строгий хронологический порядок позволяет психике проверить еще один фокус, который называется *изолирующей аффекта*. Событие как бы оборачивается в плотную ткань времени и тем самым изолируется от сопровождающего аффекта.

Поясним. Злость на другого человека – это сперва аффект и лишь во вторую очередь событие. Аффект подобен молнии, вспышке, взрыву. Его трудно осознать и отрефлексировать сразу. Для этого требуется какое-то время, хорошая привычка смотреть на себя со стороны и опыт практики *заботы о себе*.

Событие (то есть фактическую причину) мы часто можем осознать сразу, непосредственно в момент, когда оно произошло. Из опыта рефлексии и переосмысления событий рождаются лучшие образчики эпистолярного жанра, мемуаров и просто маленьких рассказов. Подобная малая проза (чаще всего это именно проза) имеет силу не текста, а контекста. Множество художественных деталей в ней спрятаны или не упоминаются вовсе, они предполагаются чем-то очевидным и общеизвестным, доступным читателю в силу общего с автором места и времени жизни. Читатель и писатель реагируют на одни и те же явления одним и тем же образом, даже если эти явления вообще никак не упоминаются. Что это значит? То, что автор владеет искусством *немой речи*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.